

УДК 930. 1

Ивонина Ольга Ивановна

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения «Новосибирского государственного педагогического университета», ivonina@ngs.ru, Новосибирск

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются различные модели и критерии периодизации истории Нового и Новейшего времени. Обосновывается необходимость поиска универсальных критериев периодизации всемирной истории в условиях глобализации и мультипликации акторов исторического процесса. Такой подход позволит преодолеть европоцентризм исторического нарратива, реализовать междисциплинарные практики исторического познания.

Ключевые слова: критерии и модели периодизации всемирной истории, Новое и Новейшее время, теория модернизации, глобальная история.

Ivonina Olga Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Universal History, Historiography and Sources Studies at the Novosibirsk State Pedagogical University, ivonina@ngs.ru, Novosibirsk

ON PERIODIZATION OF MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

Abstract. This article considers various models and criteria of periodization of Modern and Contemporary History. The author proves a necessity of research universal criteria of History in the era of globalization and multiplication of the actors of historical process. Such approach can overrate Eurocentric mode of historical narration which would assist realization of interdisciplinary practice of historical studies.

Keywords: criteria and models of periodization of History, Modernity, Postmodernity, Contemporary History, theory of modernization, global history.

Категории пространства и времени, будучи неотъемлемыми характеристикой бытия любого социума, наполняются разными смыслами и функциями, в зависимости от характера вопросов, на которые человек и общество с их помощью стремятся получить ответ. В отличие от устойчивости пространственных характеристик, время фиксирует постоянную изменчивость человеческих сообществ и социальных институтов по мере их продвижения из «прошлого» в «настоящее» и «будущее». История как наука о прошлом актуализирует в сознании современников память о социальном и политическом опыте, преодоление или использование ко-

торого позволяет строить планы на будущее.

Наибольшую сложность для исследователей представляет выявление хронологических рамок, разделяющих разные стадии и эпохи мировой истории. В исторической хронологии (периодизации истории) используются различные формы демаркации эпохальных рубежей. Историкам свойственно считать водоразделом эпох те «судьбоносные» события реальной истории, которые сделали необратимыми социально-политические или технико-экономические новации. Хронологию «исторических рубежей» заполняют события, связанные с началом и окончанием войн и революций, реформ и

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 годы.

протестных движений, великих открытий и катастроф (история чумы, Холокоста, «Большого террора»), творчества гениев и политических деятелей.

Иную типологию применяют сторонники агрегатного подхода, фиксирующие совпадение множества значимых тенденций развития в определенный момент истории. Специфика эпохи определяется сразу по нескольким параметрам – типу хозяйства, характеру социальных и политических институтов, уровню культуры, образования и другим. Хронологические границы эпохи в этом случае устанавливаются приблизительно, так как различные сферы человеческой деятельности обладают разными моментами инерции и разной скоростью освоения новаций. Победа нового типа развития приводит к созданию целостного, устойчивого социального пространства, подчиненного единым правилам и нормам жизни – новому порядку [2, с. 114-115].

В последнее время получили широкое распространение и признание теории исторического лидерства. Их авторы считают главными действующими лицами мировой истории имперские государства, страны-интегри, отдельные регионы. Рим, империя Карла Великого, Средиземноморье, Британское содружество, США признаются источником тех изменений и достижений, которые оказали решающее воздействие на развитие других исторических субъектов. Цивилизации – лидеры, достигшие высших ступеней развития и влияния в рамках отдельных регионов или в масштабе геополитики, становятся символами своего времени. В работах У. Томпсона, Дж. Модельски, И. Валлерстайна, П. Кеннеди пространство и время всемирной истории становится полем деятельности, конкурентной средой и ресурсом развития для «мировых гегемонов» – от *Pax Romana* до *Pax Americana*. Хронология мировой истории в этом случае измеряется циклами возвышения, кризиса и упадка империй.

Все теории развития и производные от них модели периодизации всемирной истории «историчны», т. к. их становление происходило в границах определенного места, времени и культурной традиции. Разделение истории человечества на эпохи Древности, Средневековья и Нового времени, пред-

ложенное европейскими просветителями XVII-XVIII вв. и до сих пор используемое обществоведами, обосновало *закономерность перехода* стран Западной Европы и Северной Америки к *современному типу развития*. Совпадение содержательных, пространственных и временных характеристик Нового мира как этапа исторического развития западной цивилизации сформировало общую родословную для всех последующих интерпретаций современной эпохи.

Полагая точкой отсчета событийной и интеллектуальной истории Нового времени «европейское чудо», сторонники трехчастной периодизации всемирной истории легитимировали динамичный характер современной эпохи, которая путем разрыва с тысячелетними традициями Древности и Средневековья невероятно ускорила ход исторического времени, исчисляемого отныне веками и десятилетиями. Смысловое единство истории и историографии Нового времени (Модернити) объясняет наличие общих признаков ее идеологии и феноменологии, на которые указывают современные теории развития:

- *либерализма* (убежденности в универсальной ценности свободы для человека, общества и государства);
- *прогрессизма* (как типа развития);
- *универсализма* (представления о транслируемости созданных Западом социально-экономических институтов в другие культуры);
- *рационализма* (как типа мотивации деятельного субъекта истории, способа управления социально-политическими процессами и своего рода познавательной установки);
- *европоцентризма* (выступающего одновременно в качестве мировоззренческой и методологической установки – уверенности в превосходстве западной модели социального развития и способа идентификации социума в пространстве и времени мировой истории).

Либеральный вектор социальных трансформаций Нового времени предопределил историческое и аксиологическое содержание этой эпохи. Современники видели смысл Нового времени в *эмансипации* человека от любых форм внешней зависимости, ограничивающих пределы его творчества. Позитивное значение достигнутой свободы раньше всего проявилось в материальной

сфере, придав результатам отрицательной эмансипации прагматический характер. Содержание развития Нового мира определяется логикой безграничного накопления – капитала, экономической мощи, силы знаний. Именно на этой стадии, получившей название «индустриального общества», отличие *уровня* и *типа* развития стран Западной Европы и США относительно других регионов мира становится очевидным. Запад становится главным субъектом истории эпохи Модерна, овладевая стратегической инициативой в определении ее временных и пространственных характеристик. С этого времени *история успеха* западной модели развития определяет главное содержание мировой истории. «Дух» Нового времени предугадал Т. Гоббс, полагавший, что «счастье состоит в самом преуспевании» [3, с. 472]. Сравнивая человеческую жизнь с соревнованием в беге, английский мыслитель считал ее «единственной целью и наградой – оказаться впереди своих конкурентов» [Там же. С. 490].

Длительное доминирование Запада в мировой системе XVII–XX вв. определяло не только экономические и социально-политические реалии эпохи Модерна, но и познавательные установки ее летописцев. В условиях, когда сама новизна стала восприниматься как достижение, в историографии утвердилась *прогрессистская парадигма развития* человечества. Все теории линейно-стадиального развития (от Г. Ф. Гегеля и К. Маркса до Ф. Фукуямы) исходили из представления о *необратимости* научных и культурных *достижений* человечества, взаимосвязи прошлого, настоящего, будущего, и сводились к утверждению превосходства современного состояния над всеми предшествующими. Номинация Модернiti новой эпохой развития способствовала идентификации Запада в качестве лидера современного мира (в прямом смысле этого слова, т. к. английское «modernity» обозначает не просто современное, существующее здесь и сейчас, но и высокие стандарты, высшее качество или уровень развития).

Признание *прогресса формой современного развития* имело важные последствия для эволюции социальных теорий. Отождествление достижений западной цивилизации с идеальным типом свободного и динамично

развивающегося общества облегчало понимание магистрального вектора человеческой истории как всеобщей модернизации. Смыслом этого процесса модернистские теории считали всеобщую *легитимацию* экономических, социально-политических и правовых *институтов Запада* в качестве *универсальных эталонов* успешного развития. Просвещенный разум мыслителей Нового времени превратил *прогресс* из специфической формы развития западной цивилизации в *норматив* всемирной истории. Доктрина правового натурализма (в лице И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона) исходила из признания вечных и неизменных качеств человеческой природы, порождающих одинаковые ответные реакции на сходные вызовы и стимулы. Представление о том, что *рациональный выбор* человека в пользу свободы и согласия является *нормой жизни*, «истиной *всех времен и народов*», стимулировало законотворческий разум и законодательную практику Современности – замещение неподконтрольных человеку «законов истории» формально определенными правовыми нормами, набором правил, не знающих исключений [1, с. 83].

Интенсивное взаимодействие центра современной мировой системы со странами колониальной и зависимой периферии, начавшееся со второй половины XIX века, содействовало появлению *идеологии модернизации*. Ее источником можно считать виговскую концепцию всемирной истории, призванную обосновать «цивилизаторскую миссию» британского колониализма. Распространение в колониях английских политических институтов, культуры и языка наряду с уничтожением колонизаторами «варварских» обычаев и традиционных форм социальной дискриминации (кастово-клановой, этноконфессиональной, гендерной) воспринималось как исполнение ответственной миссии цивилизованной нации. Искусственная замена средневековых форм жизни современными институтами, содействующими ускоренному развитию, считалась историческим долгом и призванием передового Запада по отношению к заблудшему в пустыне времени неразвитому Востоку. Колониальная политика западных держав, осуществлявшаяся по рецептам либеральных историков, способствовала пре-

вращению универсальных категорий «культуры», «цивилизации», «рационального управления», «прогресса» из аналитических в дидактические понятия.

Продолжавшееся с середины XIX в. до начала Второй мировой войны усвоение «универсальных» концептов прогресса государствами «второго эшелона модернизации» (Японией, Китаем, Индией, Турцией) привело к интеграции в мировую систему многочисленных «других», не западных стран, чьи социально-политические институты и уровень экономического развития формально соответствовали современным стандартам.

Мощный импульс появлению новых концептов модернизации был задан осмыслением итогов Второй мировой войны. В послевоенном мире именно США предстояло стать автором нового концепта периодизации истории, подтвердив ту истину, что история создается победителями. В отличие от других держав, Америка была свободна от обвинений в грехах тоталитаризма и колониализма, ее участие в деятельности антигитлеровской коалиции и судьбах послевоенного мира свидетельствовало об успешном преодолении традиции внешнеполитического и культурного изоляционизма. Америка явилась одновременно автором нового проекта – сообщества миролюбивых наций – и главным архитектором его несущих конструкций: военно-политических блоков, международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения и ограничения вооружений; международного стандарта прав и свобод человека; международных структур содействия экономическому и культурному прогрессу – ГАТТ, ЮНИДО, МАГАТЭ, ЮНЕСКО [5, р. 174-175].

Содержательной основой американской версии Модернити стала сформулированная в 1950-80-х гг. Т. Парсонсом, Дж. Гэлбрейтом, С. Хантингтоном концепция «демократического транзита». Она была адресована в первую очередь странам социалистического содружества, занятым строительством собственного Нового мира в соответствии с проектами «народных», «суверенных» и «направляемых» демократий. Акцент теории «демократического транзита» на либерализации политического режима как обязательном компоненте процесса системной модернизации, разделил политическое

пространство Модернити на тоталитарный Восток и либеральный Запад – символы включающих друг друга альтернатив современного развития.

Главным адресатом теории системной модернизации стали добившиеся независимости страны третьего мира. Концепция демократизации предусматривала их участие в деятельности международных структур, создателями и спонсорами которых выступили Соединенные Штаты. Для реализации программ «содействия развитию» формировались многочисленные органы ООН, создавались международные режимы торговли, предоставления инвестиций и гуманитарной помощи, эксперты частных фондов, финансировавших разработку теории системной модернизации, отправлялись в страны третьего мира в качестве экспертов и советников правительств.

В своих воспоминаниях о том, как разрабатывалась теория модернизации, один из ее авторов, К. Калхун, отмечал особую атмосферу того времени: чувство победы, исторический оптимизм, надежды на лучшее будущее определяли настроения тех, кто был уверен в том, что все плохое осталось в прошлом, и теперь мир вступает в совершенно новую эру [4].

Оптимизм создателей концепции Модернити как проекта совершенного мира дополнялся уверенностью в его реализуемости. По словам З. Баумана, «Модернити стремилась к совпадению слов и смыслов, к совершенным названиям, адекватным обозначаемым вещам, к пошаговому решению задач. Короче говоря, к миру, где есть конкретные решения для каждой ситуации, и нет безвыходных положений» [3, с. 82].

Предлагаемые на экспорт модернистские по своей природе социально-экономические институты должны были трансформировать и/или вытеснить структуры традиционные. Иные хронотопы культуры – живущие в прошлом, либо на периферии мира – представляли интерес для современников лишь как предтечи или аномальные отклонения от общей модели развития. Такое понимание пространственно-временных границ новой эпохи отождествляло модернизацию с вестернизацией, убеждая страны второго, третьего и последующих «эшелонов» модернизации в целесообразности «догоняющего»,

а по сути зависимого типа развития.

Реальные успехи модернизации в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной Африки и Латинской Америки внесли коррективы как в понимание существа эпохи Модернити, так и способов подключения к мегатрендам ее развития стран третьего мира. Увеличение доли «новых индустриальных стран» в мировом производстве и торговле, «чудеса» экономического роста Японии, Китая, Индии, Бразилии и других стран свидетельствовали о высокой конкурентоспособности и привлекательности незападных моделей развития. Оказалось, что модернизация – это не региональный, а глобальный процесс, участником которого наряду с Западом выступают и другие культуры, обладающие своими институциональными ландшафтами.

«Срывы модернизации» на периферии мир-системы, символом чего стала победа исламской революции в Иране и ее экспорт в страны Большого Ближнего Востока, обнажили главное противоречие модернизации, осуществлявшейся в форме вестернизации, – *конфликт современных институтов и традиционных ценностей*, имеющих явную религиозную или национальную окраску. Успех экономической модернизации Китая, Индии, Кореи, Индонезии, Малайзии, Таиланда и других «новых индустриальных стран» сопровождался ужесточением авторитарных и тоталитарных режимов, расширением сферы применения легитимного насилия, массовым нарушением прав и свобод граждан, консервацией традиционных форм социальной организации. Апелляция власти к ценностям дисциплины, долга, милосердия, солидарной ответственности, уходящих своими корнями вглубь веков, свидетельствовала о понимании ею традиции как важного ресурса мобилизации нации и сохранения ее идентичности в процессе социальной трансформации.

Критика теории вестернизации с позиций сравнительной истории цивилизаций Ш. Эйзенштадтом, Ч. Тэйлором, С. Хантингтоном в 1960-70-е гг. выявила несостоятельность восприятия современного мира как театра военных действий, где в разных формах и различными средствами борются друг с другом традиции и новации. Логика конструирования Современности по принципу

«или» – «или» чревата, по их мнению, возрождением национально-культурного шовинизма и фундаментализма, отбрасывающего мир к «темным векам Средневековья». Важнейшим результатом этой критики стали теории «многочисленных современностей», «множественных модернов».

Альтернативой самонадеянной уверенности какого-либо социума в том, что Современность – там и тогда, где и когда торжествуют его интересы и ценности, стала *стратегия мультикультурализма*, стремящаяся к созданию такой ценностно-нормативной базы современного мира, которая интегрирует в себя гуманистические принципы равноправия, законности, справедливости, стремления к общему благу, ответственного правления, свойственные разным культурам. В рамках поликультурной парадигмы дескриптивный образ Модернити складывается из совокупности разнообразных траекторий и темпов социальных изменений, обусловленных самобытностью и автономностью различных акторов *единой мировой цивилизации*.

Принципиально новый контекст обсуждения пространственно-временных параметров эпохи Новейшего времени сформировался на рубеже 80-90-х гг. XX века. Концентрация на небольшом временном отрезке знаковых событий мировой истории (крушение Берлинской стены, распад СССР) определила хронологические рамки «короткого XX века», поместившегося в промежутке между Первой мировой войной (1914-1919) и завершением «холодной войны» (1989-1991). Осмысление итогов недавней истории в ситуации наступившего мира и согласия, придавало дискурсу современности нехарактерное для эпохи *fin du siècle* чувство удовлетворенности историей, порождая миллениаристские версии *глобальной истории*. Глобальная по своим движущим силам и направленности история ставит под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических) собственной исключительности [6, p. 214].

Баланс в понимании смысла эпохи Новейшего времени как совместного освое-

ния социально-политического пространства мировой цивилизации, вобравшего в себя разных участников глобального взаимодействия и их повестки дня, может основываться на презумпции единства и многообразия субъектов всемирной истории, обладающих равными правами, но разными сценариями мирового развития.

Библиографический список

1. *Бауман* З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. *Валлерстайн* И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем / *Время мира*. Вып. 2:

Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 102-116.

3. *Гоббс* Т. Человеческая природа // *Избранные произведения*: в 2 т. – М: Мысль, 1964. – Т. 1. – 752 с.

4. *Калхун* К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал? [Электронный ресурс] URL://www.ecsocman.edu.ru/msg/246355.html. (дата обращения: 24. 12. 2012)

5. *Talbot* S. The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States and the Quest for a Global Nation. – N. Y.: Simon & Shuster, 2008. – 478 p.

6. The Future of Global Conflict / ed. by Borschier V., Cyase-Dunn Chr. – L.: SAGE, 1999. – 320 p.